

едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.»

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева. К счастью Хлопуша стал противоречить своему товарищу. «Полно, Наумыч», сказал он ему. «Тебе бы всё душисть да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?»

— Да ты что за угодник? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

«Конечно», отвечал Хлопуша, «и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костливый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутьи да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором.»

Старик отворотился и проворчал слова: «рванные ноздри!». . .

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рванные ноздри; погоди, придет и твое время; бог даст, и ты щипцов понюхаешь. . . А покамест смотри, чтоб я тебе бородашки не вырвал!

«Господа енаралы!» — провозгласил важно Пугачев. «Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.»

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова, и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачеву, сказал ему с веселым видом: Ах! я